

ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС КАК СОГЛАСИЕ НАЦИЙ

Джошуа Купер Рамо

Джошуа Купер Рамо — американский политолог и экономист, управляющий директор международной консалтинговой компании Kissinger Associates. Автор нескольких книг по современным проблемам Китая, включая книгу «Пекинский консенсус» (The Beijing consensus, 2004)

РЖ *Уважаемый господин Купер Рамо, в 2009 году Гордон Браун заявил, что «вашингтонский консенсус» кончился. Вы сказали об этом еще раньше. Что же может сегодня заменить собой «вашингтонский консенсус»? На каких условиях возможен новый консенсус?*

Не лишним будет вспомнить о контексте достижения «вашингтонского консенсуса», о десяти его основополагающих постулатах. **Основная проблема заключалась в философии «вашингтонского консенсуса», а именно — в мысли о том, что существует единственная в мире экономическая и политическая модель, единственная модель безопасности, которая подходит для каждой страны, и которую каждая страна с радостью внедрит у себя.**

Эта концепция в наше время — полный нонсенс. Мы никогда не

увидим одной-единственной экономической модели, которая будет устраивать все страны мира.

Окончательная проверка приемлемости той или иной модели проводится на населении страны. То же касается и способности внедрения такой системы бюрократическим аппаратом отдельно взятой страны. Вместо того, чтобы навязывать всем странам конкретную экономическую модель развития, лучше дать им возможность гибкого развития собственной модели, убедившись, что основополагающая цель этой модели — достижение стабильности и стимулирование экономического роста.

РЖ *Были ли «вашингтонский консенсус» исключительно экономической моделью, или он был связан с концепцией однополярного мира?*

Эта концепция была связана с геополитической моделью, которая предполагала, что все в мире очень рады быть частью капиталистической системы, в которой США являются доминирующей силой. Это было нереалистично.

РЖ *Вам не кажется, что концепция США как центра мира появилась не в конце 1980-х годов, а где-то в конце сороковых? Что нового*

тон-вудской системы заключается в том, что в «вашингтонском консенсусе» была взята на вооружение идея о самодостаточности рыночных сил в регулировании экономики, чего практически не наблюдается в бреттон-вудской системе. Поэтому от золотого стандарта США отошли только в 1970-е годы.

«Вашингтонский консенсус» во многом базируется на мысли о том, что если все в мире рынки капитала открыты, то всегда можно будет удержать ситуацию в состоянии равновесия. С академической точки зрения это, может быть, и верно, но на практике это осуществить не представляется возможным.

РЖ *Когда вы говорите о «пекинском консенсусе», следует ли это понимать так, что вы считаете возможным консенсус, в центре которого будет относительно маргинальная (по крайней мере, на данный момент) страна?*

Под «пекинским консенсусом» я подразумевал консенсус наций. Бразилия, Россия, Индия и Китай — это все примеры такого консенсуса. Это консенсус в том, что вашингтонская модель — не единственно возможная. Думаю, что Пекин претворяет в жизнь некоторые очень важные эле-

Мы никогда не увидим одной-единственной модели, которая будет устраивать все страны мира.

«Пекинский консенсус» — это консенсус наций. Бразилия, Россия, Индия и Китай — примеры такого консенсуса.

было в «вашингтонском консенсусе» по сравнению, скажем, с бреттон-вудской системой или, например, с системой ООН?

Основное отличие «вашингтонского консенсуса» от брет-

менты, относящиеся к управлению капиталами, к политической экономии — имея в виду **обеспечение политической стабильности до начала экономической либерализации. И, наконец, я придаю очень большое значение**

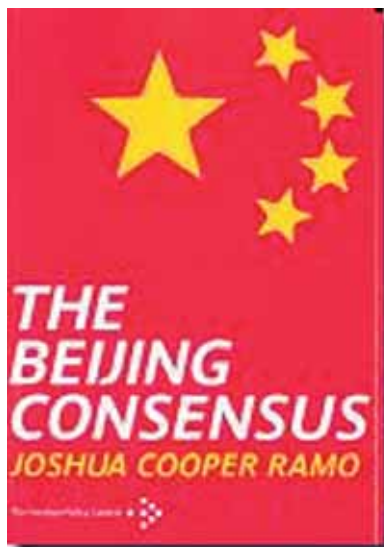
вопросам обеспечения безопасности. После окончания холодной войны многие подумали, что эти проблемы остались в прошлом, но это определенно не так.

РЖ *Может ли какая-либо западная страна стать центром некоего нового международно признанного консенсуса?*

Ответ утвердительный. Понимание «пекинского консенсуса» заключается в том, что интересные инновационные идеи уже не обязательно должны приходить из некоего единого центра, что они могут появляться в любой точке земного шара. **Это в некотором смысле разрушительный феномен, но не обязательно в плохом смысле этого слова**, — просто он ведет к значительному усложнению системы миропорядка. Не знаю, как обстоят дела в России, но в Китае многие инновации не копируются с Запада, они носят абсолютно самобытный характер.

РЖ *Как будет выглядеть новая система, выстроенная на этом консенсусе?*

Это никому не известно. Сейчас мы находимся на новом вит-

ке эволюции в международной политике, и нам нужно определиться с этой новой системой. Я лишь привел доводы в пользу того, что это не должна быть полностью централизованная система. **Новая система должна быть похожа на иммунную систему человека: она должна уметь реагировать на угрозы, с которыми она раньше никогда не сталкивалась, и бороться с ними.** Думаю, что подобная метафора очень уместна.

РЖ *Можно ли говорить, что мы становимся свидетелями распада очередной империи — на этот раз американской?*

Может получиться так, что в течение определенного короткого периода США восстановят свое доминирующее положение в мире, в течение другого периода мир может быть разбит на региональные группы, такие как Европа, Азия и США.

РЖ *Жизнеспособна ли сегодня идея «большой двойки», то есть альянса США и Китая?*

Нет, **идея G2 нежизнеспособна по целому ряду причин.** Во-первых, китайцы сами не хотят этого. Китайцы хотят гораздо более демократичную международную систему, в то время как США сохраняют большее влияние и способны на более интенсивную защиту своих интересов. Во-вторых, сегодня нельзя позволять двум государствам диктовать свою волю всему остальному миру. В идеальном мире США и Китай попытались бы определенным образом координировать свои усилия, но мысль об исключении всех других стран из процесса принятия решений просто несостоятельна. ■

Беседовал Борис Волхонский

Джошуа Купер Рамо — американский политолог и экономист. В настоящее время — управляющий директор международной консалтинговой компании Kissinger Associates.

В прошлом работал в различных печатных и электронных СМИ, был самым молодым в истории журнала *Time* редактором отдела международной политики. Был также одним из основателей Американско-китайского форума молодых лидеров. Член Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations).

Автор нескольких книг по современным проблемам Китая. Всемирную известность ему принесла книга «Пекинский консенсус» (*The Beijing consensus*, London: Foreign Policy Center, 2004).

В этой книге Рамо вводит термин «пекинский консенсус» в качестве альтернативы теряющему привлекательность «вашингтонскому консенсусу». Основными принципами «пекинского консенсуса», по мысли автора, является стремление стран к сохранению своего национального суверенитета и к многополярности на мировой арене. Именно такая модель, наиболее ярко явленная на примере Китая, и может служить образцом для подражания для развивающихся стран.

Как отмечал в одном из интервью сам Рамо, «мирная стратегия Китая, имеющая целью экономический рост, не мыслится как вызов США. Но сама модель имеет такую силу, что привлекает сторонников почти с той же скоростью, с ка-

кой американская модель их отпугивает».

Всемирный экономический форум назвал Рамо «одним из ведущих зарубежных специалистов по Китаю».

В своей последней книге «Эпоха невообразимого. Как новый мировой беспорядок постоянно изумляет нас и что мы можем по этому поводу сделать» (*The Age of the Unthinkable: Why the New World Disorder Constantly Surprises Us And What We Can Do About It*, March 2009) Рамо утверждает, что мир находится в процессе беспрецедентных перемен, и вместо того чтобы полагаться на прошлые традиционные модели, следует приспособиться к этим переменам и принять инновационные решения, чтобы успешно справиться с грядущими вызовами.